

Д Ж Е К И Ф О Л А

Э Л Б Ф

ДЛЯ ЦВЕТОЧНИЦЫ

18+

Джеки Фола

Эльф для цветочницы

«Автор»

2026

Фола Д.

Эльф для цветочницы / Д. Фола — «Автор», 2026

Розалинда Майер, владелица маленькой цветочной лавки, отправляется на рынок рабов в Миррадине, чтобы купить раба для работы в теплице. Она выбирает эльфа — молчаливого, с потухшими глазами и шрамами, которые рассказывают о тёмном прошлом. Торговец предупреждает: этот «бракованный товар» — гладиатор, убивавший на арене, сломленный, но не смирившийся. Розалинда покупает его. Она не ищет любви. Она боится мужчин, боится близости, боится снова стать чьей-то вещью. Её бывший муж оставил ей только долги, синяки, пока тело ей не принадлежит. Кaleb не тот, за кого себя выдаёт. Он — не просто раб. Он — Келеборн Элландил, сын наместника северного княжества, проданный в рабство собственными братьями из зависти. Когда прошлое настигает его, а Розалинде угрожает смертельная опасность, он должен решить: остаться ли тенью, или вспомнить, кем он был рождён. История о двух сломленных людях, которые нашли друг друга среди шипов и роз.

© Фола Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рынок рабов	5
Дорога домой	10
Кажется, здесь нужно спасти не только розы...	15
И зачем только я его купила?	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джеки Фола

Эльф для цветочницы

Рынок рабов

Рынок рабов раскинулся в низине за южной стеной города Миррадин, там, где вечный ветер гоняет песок и пыль. Некогда богатый эльфийский форпост, с высокими башнями, построенными из белого камня, город был местом, где заключались союзы, послами разных земель. Потом пришли люди, сначала торговцы, затем воины, те кто искал наживы. Эльфы ушли, оставив город. Сады засохли, башни обветшали спустя сотню лет, белые камни пошли на постройку рынков и других строений. От прежнего величия осталось только название. Теперь это город работорговцев, купцов и проходимцев.

Старые эльфийские камни все еще можно найти в фундаментах некоторых зданий. Говорят, по ночам они светятся мягким голубоватым светом – память о тех, кто когда-то называл этот город домом. Но людям плевать на легенды. Для них Миррадин – просто удобный перекресток, куда стекается живой товар со всего юга.

Рынок был похож на встревоженный муравейник. Там стоял людской гул. Между торговыми рядами сновали лоточники с едой и напитками, покупатели дамы, господа лениво прохаживались вдоль рядов. При виде девочки – лоточницы с прохладным лимонадом у Розы во рту стало сухо. Курносая - девчушка с рыжими кудряшками – пружинками улыбнулась.

— Госпожа! Купите лимонад! — Всего один медяк.

Рози протянула девочке монеты, взяла стеклянную бутылку с рук лоточницы, сняла крышку и сделала первый глоток.

— О да, то, что нужно! — подумала Роза. Убрав в сумку лимонад, она огляделась по сторонам. — Боги, какой он огромный! Его и за день, наверное, весь не обойти, не зря говорят в народе, что Миррадинский рынок живого товара один из самых больших на юге страны. Воздух казался тошнотворным. Здесь пахло дешевыми благовониями, которые скрывали запах немытого тела, сладкими и приторными духами богачей – покупателей, прокисшим вином, уличной едой, потом, навозом животных.

— Вряд ли тут заботятся о товаре, — подумала Роза глядя на двух изможденных жирафов в клетке. Животные стояли в грязной неубранной клетке, сквозь блеклую шкуру виднелись ребра, похоже, что хозяин кормит их только по праздникам. Торговец посмотрел на Розу, на его сальном лице растянулась улыбка.

— Госпожа желает приобрести зверушку?

— Госпожа желает, чтобы ты не улыбался так, о то распугаешь покупателей, — сказала Роза, и двинулась дальше в глубь рынка. По пути она увидела двух стражников.

— Я прошу прощения, — обратилась Роза к страже, — вы не подскажете мне, как найти павильон Надира ат Таджи? — она прочитала имя на клочке бумажки.

— Надира? — переспросил страж, — Идите прямо госпожа, до павильона с райскими птицами, дальше направо, там начинается сектор рабов. Его павильон в самом конце сектора.

— Благодарю, — сказала Роза, и вложила два серебряных в руку одному стражу.

— Спасибо госпожа, — сказал стражник и поклонился.

Рози шла сквозь толпу. Она старалась не касаться плечами встречных людей. Девушка держала спину подчеркнута прямо, и только побелевшие костяшки пальцев выдавали ее напряжение.

Несмотря на очень скромный достаток Розы никогда не позволяла выглядеть неряшливо. На ней было простое льняное платье, цвета утреннего неба. Скроено и посажено было по фигуре, плавно ложились складки по хрупким изгибам тела. Скромный воротничок, обрамляющий шею, легкий лен струился при каждом движении, открывая тонкие запястья и щиколотки, загоревшие под летним солнцем.

Конечно, она не была одной из тех барышень, которые утопают в кружеве и жемчугах??? — нет, в ее облике чувствовалась та тихая, скромная простота, которая рождается из простоты и внутреннего достоинства. Молодое лицо с мягкими чертами, пухлые карминовые губы, чуть растрепанные ветром волнистые волосы цвета каштана. Зеленые глаза с золотистыми искорками излучали ту сдержанную силу, что бывает у девушек, выросших в труде, но не растерявшие свои мечты.

Розы миновала павильон с райскими птицами. Спустилась вниз по ступеням в сектор с «людским товаром». Проходя мимо павильона с элитными и редкими товарами, Розы не могла восхититься его красотой и убранством. Он был построен из тика и алебастра с куполом из синего стекла, сквозь который лился призрачный голубой свет. Изнутри доносился запах шафрана, ладана и горького миндаля. Пологи из алой парчи отделяли одну нишу от другой. Вместо цепей — тонкие золотые ошейники — обручи на щиколотках. Вместо кнута шепот торговца, знающий цену своему товару. Здесь не кричали. Здесь торговались вполголоса, потягивая шербет из бронзовых чаш, инкрустированных бирюзой.

На возвышении из черного мрамора сидели девушки — танцовщицы из Ариаспы. В легких шелковых платьях цвета шафрана и старого золота открывающие спину, плечи и изящную талию. Смуглая кожа отливала бронзой, длинные черные волосы струились по спине, унизанные бусинами и ракушками, что звенел при повороте головы. Миндалевидные глаза были подведены сурьмой.

Слева на низких бархатных подушках полулежали мальчики с милыми лицами: светлая кожа, с пухлыми, розовыми губами, длинными ресницами, похожие на херувимов со старых гравюр. Кто-то попал сюда из разорившегося дома, другие мальчик были специально выращены в закрытых школах для утех. Их выдавали не мускулы, а покорная нежность: хрупкие шеи, тонкие пальцы, обученные доставлять удовольствие хозяину.

В центре на помосте из дуба, покрытого волчьими шкурами, стояли двое северных воинов из Стурхейма. Огромные, светловолосые, со шрамами на скулах, шее, и безразличными глазами цвета штормового моря. Они были голы по пояс, некогда бледная кожа была чуть тронута загаром. Один из них самый юный, смотрел в поли тихо напевал песню о возвращении домой, зная, что дом он не увидит.

Торговец — старый ариаспец с масляной бородкой, неторопливо обходил свой товар. Поправлял складку на бедре танцовщицы, поднимал подбородок мальчика, проводил пальцем по шраму воина — проверял, не загноился ли.

— Из Ариаспы — огонь, — шептал он покупателю, закутанному в шелк. — Из Стурхейма — лед. А это, — он кивнул на мальчиков, — Нежный шелк, который рвется от одного дыхания.

— Здесь торгуют красотой, силой и покорностью, — а платят золотом, которое пахнет кровью — подумала Розы. Она сморгнула наваждение и ускорила шаг. Ей было там не место. Конечно дело было не в ее тощем кошельке. Она судорожно прижимала сумку к боку. Сама эта атмосфера: праздная, дурманящая, вызывала у Розы дурноту.

Ей не нужны были танцовщицы, ни мальчики — херувимы, ни северные воины. Все это были игрушки для богатых господ. Она направилась в другой конец рынка, туда. Где воздух пах потом, невымытой кожей и соломой. Где вместо бархатных подушек — грязные, дощатые настилы, а вместо шепота — хриплые выкрики.

Здесь не смотрели в глаза. Здесь ощупывали мускулы, заставляли сжимать и разжимать пальцы, поднимать тяжести. Рабы стояли в неровных рядах, опустив головы — мужчины и

женщины, со сбитыми костяшками, с клеймом не шее, с пустыми взглядами, тех, кто перестал быть собой.

Девушка шла между рядами, неловко рассматривая рабов. Ей нужен был не просто покорный раб а работник, для ее цветочной лавки и теплицы. Тот, кто сможет делать всю тяжелую работу: таскать ящики с мокрой землей, переставлять горшки с цветами, ворочать мешки с удобрениями, поливать тепличные грядки с утра до вечера. Ее уютный магазинчик и теплица, которая досталась ей ценой невероятных усилий, требовала мужских рук. Она знала к кому идти, по слухам у Надира ат Таджи — лучшие рабочие руки в этом секторе.

Его павильон находится в самом конце сектора, под навесом из выцветшего шелка. Она пробралась сквозь толпу покупателей и работоторговцев, отгоняя мух и запах дешевой похлебки. Сам торговец сидел на низком стуле, поджав под себя ноги. Это был худой старик с кожей цвета крепкого чая, глаза — масляные, черные без единой искры. Длинные пальцы, унизанные серебряными перстнями с потемневшими камнями, никогда не лежали спокойно: они перебирали складки халата, теребили четки из слоновой кости, постукивали по подлокотнику. Некогда темно — синий шелк халата с золотом давно не стирали, на воротах темнели жирные пятна. Из — под тюрбана выбивались седые, сальные пряди. Пахло от него смесью мускуса, строго пота и гвоздики — он жевал пряные зерна гвоздики, чтобы перебить запах из собственного рта.

В Розе он узнал покупательницу с первого взгляда — девушка одна, без сопровождения, значит либо отчаянная, либо небогатая. И то и другое сулило быструю сделку.

— Госпожа ищет слугу? — спросил он, лениво жестикулируя и поигрывая четками. — У меня отборный товар. Не чета тому дерьму, что продают у входа в сектор. Роза кивнула.

— Мне нужен работник, для тяжелой работы, — сказала она. — Сильный. Здоровый. И покорный.

— Покорный, — повторил Надир, обнажая в улыбке редкие, почерневшие зубы.

— Смотри, госпожа. У меня есть такие, что слова поперек не скажут.

Он хлопнул в ладоши. Из — за ширмы вывели первого раба. Крупный мужчина с бритой головой и бычьей шеей. Кожа в татуировках — какие — то варварские руны. Руки — как бревна, каждая размером с торс Розы. Он посмотрел на нее сверху вниз, и в его глазах не было ни тени покорности. Только ленивое любопытство — таким взглядом самец окидывает самку, решая стоит ли игра свеч. Роза почувствовала, как мурашки побежали по спине.

— Следующий, — сказала она тихо.

Надир кивнул. Второй рыжеволосый, широкоплечий, со шрамами на руках от цепей. Он стоял чуть расставив ноги, и смотрел на Розу так, словно раздевал её взглядом, — медленно, с усмешкой. Губы его чуть раздвинулись, обнажая ровные белые, крепкие зубы. Она отступила на шаг.

— Не подходит, — выдохнула Роза.

Третий смуглый азиат с раскосыми глазами и тонким шрамом на скуле. Взгляд — цепкий, скользкий по ее фигуре с такой откровенностью, что Роза стало душно.

— Все они, — сказала она, стараясь чтобы голос не дрожал, — пугают меня. Я не хочу чувствовать себя в собственном доме добычей, если они меня по пути домой не прибьют.

Надир рассмеялся, сухо, как треск костра. Его четки застучали быстрее.

— Госпожа боится мужчин? Тогда зачем тебе раб? Купи себе старуху или кастрированного!

— Мне нужны сильные руки, а в придачу к ним адекватные мозги! — прошипела Роза, — А не звериный оскал.

— девушка повернулась, и пошла было прочь, но ее взгляд зацепился за что — то, или кого — то, сидящего в полумраке павильона у самой дальней стены. Присмотревшись, она заметила фигуру.

Он сидел на земле, вытянув длинные ноги. Даже в этой грязи, в этом рванье, покрывавшем его тело. Он выделялся, как осколок луны, среди болотной тины. Белые, грязные, пепельные волосы падали на плечи длинными, спутанными прядями, но даже грязь, не могла убить их призрачного свечения. Кожа — бледная. Но лицо Лицо было поразительно красивым. Не той броской приторной красотой, что Роза встречала на гравюрах, а суровой, как у павшего бога или дикого зверя, закованного в цепи. Тонкие благородные черты: высокие, четко очерченные скулы, прямой нос, изящный разрез губ. Заостренные уши выглядывали из – под спутанных волос. Но главное — глаза. Лыдисто – серые с вертикальными зрачками как у кошки. Они смотрели прямо на Розу с ледяным спокойствием. В глазах не угадывалось ничего: ни страх, ни похоть, ни покорность. Только пустота. Когда Роза поняла, что откровенно пялится на эльфа, поспешно отвела взгляд.

Он был худ, но не истощен. Под рваной рубахой просматривались сухие жилистые мышцы, — не те груды мяса, что у предыдущих рабов, а точеные, как у змеи или дикой кошки. И странное дело: он даже сидя на полу держал спину прямо, а голову приподнятой.

— Так держаться только лорды в изгнании, но не простые эльфы, — подумала Роза. — Кто это? — спросила девушка, не оборачиваясь к Надиру.

Старик хмыкнул. — А этот. Упрямый раб. Не для госпожи. — Сильный, выносливый, конечно. Но нрав — хуже дикого зверя. «Не для госпожи», — сказал Надир.

Роза снова посмотрела на эльфа. Тот даже не повернул головы в ее сторону. Смотрел в пустоту, словно ее, Надира, рынка, тут не было.

— «Мне нужен раб, а не война. Но этот хотя бы не смотрит на меня как на кусок мяса, ему вообще все равно».

Роза вдруг подумала о своей теплице. О розах, которые требовали ухода и терпения. О лилиях, что раскрывались только на рассвете. О земле, которую она месила руками, пока не стирала пальцы в кровь. О той тихой, упрямой силе, которая жила в ней самой — и которая никогда не была покорной.

Он похож на меня, — поняла она вдруг. — *Такой же негнущийся. Такой же ненужный тем, кто ищет удобных.*

— Сколько? — спросила она, не поворачиваясь к Надиру.

Старик не понял.

— Госпожа?

— Сколько стоит этот эльф? — Роза кивнула в сторону дальней стены. — Этот Надир рассмеялся.

— Пять золотых. Дешевле, чем любой из тех, кого я вам показывал. Но, госпожа, вы слышали, что я сказал? Он не...

— Я слышала, — перебила Роза. — У него сильные руки?

— Сильные, — нехотя признал Надир. — Но...

— Он может таскать ящики с землёй?

— Может всё, что угодно, — старик пожал плечами. — Вопрос в том, *захочет* ли.

— Он чем – то болен? — спросила Роза.

— Здоров как бык, госпожа, пожал плечами Надир, — Эльфы вообще не болеют нашими болезнями. Раны заживают быстро, выносливы, отличное зрение и слух лисицы.

— А почему он здесь? — спросила она.

Надир ат Таджи скривился.

— Крутой нрав. Полное нежелание подчиняться. Прежний хозяин приказал ему проиграть бой, чтобы сорвать куш на ставках. Эльф отказался. Убил противника за две минуты на глазах у всей знати. А потом... потом на него положили глаз богатые матроны. Знатные дамы с юга, госпожа, бывают очень настойчивы. Они хотели, чтобы он ублажал их в постели. Он отказал всем. Одной даже сломал руку, когда она попыталась его тронуть без спроса.

Рози тогда вздрогнула. Сломал руку. Женщине. За то, что та попыталась его коснуться.

Что-то в этом рассказе отозвалось в ней странным, неожиданным эхом. Он отказался отдавать своё тело. Он защищал свои границы — яростно, жестоко, но защищал. В отличие от неё, которая годами не могла защитить свои.

— И что сделал хозяин?

— Продал мне за гроши. Чтобы наказать. Чтобы унижить. Из великого гладиатора — в обычные рабы. Это хуже смерти для такого, как он. Поэтому я и говорю — товар бракованный.

— Это прекрасно, — сказала Рози и развязала кошель.

Она отсчитала пять монет. Тяжёлые, с неровными краями. Это было меньше, на что она рассчитывала. Не последние, слава богам. После этой «покупки» у нее останутся деньги на семена, удобрения, и себе на хлеб хватит надолго.

Она протянула деньги Надиру. Монеты, позвякивая упали в засаленный карман халата купца.

Эльф наконец поднял голову. Его светлые глаза встретились с её глазами. В них не было благодарности. Не было удивления. Только лёд и лёгкое, едва заметное любопытство — как у хищника, который видит перед собой странную добычу, не похожую на других.

— Вставай Снежок, — сказал Надир, — у тебя новая хозяйка.

Эльф медленно поднялся. Такой высокий. Даже в цепях он двигался с той пугающей грацией, какая бывает у зверей, которые никогда не забывают, что они хищники. Торговец отсчитал ключ из связки, протянул Рози.

— Госпожа, — поклонился Надир, отдавая ключ.

— Благодарю, — сказала Рози, — Как его зовут?

— Никто не знает госпожа, но в бойцовских ямах его прозвали «Иней» за холодную смертоносность и белые волосы.

— «Иней, Снежок» пробубнила про себя Рози, — ничего, захочет, сам скажет. — Идем «Снежок».

Эльф медленно поднялся, посмотрел на Рози льдыстыми глазами не с благодарностью за спасение, а с колючим недоумением. Надир передал цепь ошейника Рози.

Дорога домой

Город Миррадин раскинулся на холмах у большой реки, и южная его часть, где находился рынок был самой грязной и шумной. Здесь воздух пах кожей, навозом и дешёвыми благовониями, которыми торговцы пытались перебить вонь от загонов. Отсюда до цветочной лавки Розы нужно было пересечь почти весь старый город — мимо кожевенных мастерских, хлебных рядов, через мост и вверх по улице Медников, где уже пахло не потом, а сушёными травами, мёдом и выпечкой.

Когда Розы вышла из павильона Надира, ведя за собой молчаливого эльфа на поводке со связанными руками, она сразу увидела у ворот рынка свою повозку. Добротную, но без лишних украшений: крепкое деревянное основание, аккуратный навес из плотной серой парусины, два ряда мягких сидений с подушками — вытертыми, но чистыми. Колеса не скрипели, а мерно постукивали. Лошадь, которую Розы ласково звала Веткой, была ухоженной, гладкой, тёмно-гнедой масти — не породистой, но здоровой и спокойной.

На облучке сидел Томас — её помощник, молодой парень лет семнадцати, русоволосый, с ясными голубыми глазами и вечным румянцем на щеках. Одет он был просто, но опрятно: льняная рубаша, жилет из недорогой кожи, сапоги без каблуков. Томас не был слугой в привычном смысле — скорее подмастерьем, учеником, который помогал в лавке и теплице, за скромное жалованье. Он умел обращаться с цветами, знал, когда поливать, а когда подрезать, и был предан Розы той тихой, безотчётной верностью, какая рождается не из страха, а из уважения.

— Госпожа! — Томас прыгнул с повозки, заметив её. — А я уж думал, вы заночевали у этого проходимца. — Он кивнул в сторону рынка и тут же вытаращился на эльфа. — Ого Это кто? Красивый, однако. Но грязный Эльф искоса взглянул на мальчишку.

— Это наш новый работник Томас. Зови его я не знаю как его зовут по настоящему, купец обозвал его Снежком.

Томас хотел было спросить, так много вопросов было в голове, но, взглянув на её лицо — усталое, но спокойное, — передумал. Он взял эльфа под локоть (тот не сопротивлялся, но и не помогал) и помог усесться на скамью. Сам вскочил на облучок, взял вожжи.

— Но, Ветка! — крикнул он весело, и повозка мягко покатила по пыльной дороге.

Розы сидела напротив эльфа, прислонившись к мягкой спинке. Spина всё ещё болела после вчерашних ящиков, но теперь, когда работа перестала быть единственной её заботой, боль казалась не такой острой. Она смотрела на проплывающие улицы и думала о том, как изменится её жизнь с этим молчаливым эльфом. Как теперь работать в лавке и теплице станет намного легче, Томасу не будет доставаться тяжелая работа. Парень сможет сосредоточиться на обучении. Розы на мгновение прикрыла глаза и провалилась в сон.

Эльф сидел неподвижно, как изваяние. Белые, пепельные волосы прилипли к щекам, но даже в грязи лицо оставалось прекрасным — тонкие черты, чёткие скулы, ледяные глаза с вертикальным зрачком. Он смотрел в окно, в мелькающие пейзажи. Услышав мерное дыхание, краем глаза посмотрел на девушку, затем отвернулся снова глядя в окно.

Миррадин проплывал мимо — низкие глинобитные дома с плоскими крышами, лавки торговцев пряностями, женщины в ярких платках, торгующие зеленью. Они въехали на мост через реку, и ветер донёс запах воды и мокрых камней. А за мостом начинался старый город — улица Вересковая.

Здесь было тише, чище, уютнее. Дома стояли плотно, но каждый был выкрашен в свой цвет — охристый, терракотовый, бледно-голубой. Из распахнутых окон доносилась музыка, смех, звон посуды. А в самом конце улицы, под вывеской, которую Розы собственноручно раскрашивала каждый год, виднелась её лавка. Лавка была неброской, но радовала глаз. Фасад —

тёплого розового цвета, дверь — ярко-зелёная, как весенняя листва. Большая витрина сияла чистотой, за ним в глиняных и керамических горшках стояли цветы: пышные герани, нежные фиалки, маленькие розовые кустики. Справа от входа висела деревянная вывеска с искусно вырезанным букетом полевых цветов и надписью «Цветы Розы». Слева — скамейка для покупателей, на которой обычно дремал толстый рыжий кот Моррис.

За лавкой угадывалась теплица — стеклянная крыша блестела на солнце, и сквозь мутные стёкла виднелись зелёные силуэты растений. Не огромная, но и не тесная. Там Розы проводила большую часть времени.

— Приехали госпожа, — сказал Томас, натягивая вожжи.

Он спрыгнул, помог слезть Розы, а эльф соскочил сам — легко, бесшумно, как тень. Руки его всё ещё были связаны сзади.

— Гляди-ка эльф! — до Розы донесся едкий шепот торговки из соседнего рыбного магазина к покупательнице.

— Смотри Жули, ишь ты, наша тихоня то, не так проста, как кажется, видимо совсем неумогу без мужской ласки, если эльфа себе в дом приволочила.

Розы стиснула зубы, чувствую, как горят щеки. Она бы все сейчас отдала, чтобы рядом с ней шел не раб, а вольнонаемный рабочий, какой - ни будь парень из соседней улицы. Она бы платила ему жалование, с которым могла бы просто здороваться и не чувствовать себя надзирателем. Но вольные подмастерья просили столько, сколько она не зарабатывала за месяц. Купить на рынке уцененного раба было единственным выходом, чтобы не закрыть лавку окончательно. Покупка раба была дешевле — но плата: совесть и чужие косые взгляды.

Законы Миррадина и устои общества диктовали свои правила: эльф — собственность, Розы — владелица. Как же эта роль ей не шла. Хотелось сбросить груз, вздохнуть полной грудью и выпрямиться. Но цепь в ладони ей напоминала, что теперь Розы отвечает не только за свою жизнь, но и за чужую, хочет она этого или нет.

Розы открыла зеленую дверь, выдохнула с облегчением. Она дома. Колокольчик над входом тихо звякнул.

— Добро пожаловать в мою лавку, — Розы неловко улыбнулась. Она шагнула внутрь. Томас остался распрямлять Ветку. Привычно насвистывая.

Дом встретил их запахом сухой лаванды и пыли, осевшей на половицах за время её отсутствия. Розы, придержав входную дверь плечом, обернулась.

Эльф стоял на крыльце, но не переступал порог. Кандалы — грубое железо на тонких запястьях и такой же обруч на длинной шее — блестели в свете угасающего дня особенно уродливо. Он был высок, и ей приходилось заирать голову, чтобы разглядеть выражение его лица. Оно было стертым. Ни испуга, ни надежды. Только усталое, внимательное ожидание.

— Ну же, — Розы кашлянула, стараясь, чтобы голос звучал буднично. — Я не кусаюсь. А вот сквозняк устроить могу.

Она шагнула внутрь, и эльф, чуть помедлив, переступил порог — бесшумно, словно боялся испачкать доски. Дверь за ним мягко затворилась, отрезая шум городской улицы.

В прихожей стало тесно от его присутствия, от чужого, резкого запаха дорожной грязи, пота и какого-то горького сена, вьёвшегося в его лохмотья. Розы бросила сумку на сундук и потянулась к ключу, выданным Надиром.

— Стой смирно, — велела она и сама удивилась тому, как тихо прозвучал приказ. — Сначала шею. Это самое мерзкое.

Эльф не шелохнулся. Только веки чуть дрогнули.

Розы подошла вплотную. Очень близко. Чтобы дотянуться до замка на его горле, ей пришлось встать почти вплотную к его груди. Она чувствовала жар, исходящий от его тела, слышала, как медленно, натужно течет его дыхание. Её пальцы, огрубевшие от земли и цветочных горшков, коснулись холодного металла. Ключ заскрежетал, и эльф едва заметно напрягся,

когда она, чтобы удержать ошейник, положила вторую ладонь ему на ключицу, прямо поверх грязной, рваной рубахи.

Ткань была тонкой. Под ней перекачивались жилы и твердая кость.

— Почти вот проклятая жестянка — прошептала Роза, борясь с замком. Запах от его волос — пыль и что-то пряное, несмотря на грязь, — ударил в ноздри. Она замерла на секунду, поймав его взгляд в упор. Глаза у него оказались невероятно светлые, серые, как лед на реке в пасмурный день, и в них на мгновение промелькнуло что-то живое — недоумение.

Щелчок. Обруч разомкнулся.

Роза потянула железо в стороны, и оно с глухим стуком упало на пол. Эльф дернул подбородком вверх — первый свободный, полный вдох за, возможно, очень долгое время. Адамова кость дернулась, обнажая красную, натертую полосу на смуглой коже. У Розы защемило под ложечкой.

— Руки давай, — глухо сказала она.

Он молча вытянул руки вперед. Запястья, перехваченные широкими браслетами, оказались прямо перед её лицом. Чтобы снять кандалы, нужно было нагнуться. Она снова приблизилась, почти касаясь макушкой его подбородка. Сначала левая рука. Её пальцы обхватили его ладонь, чтобы зафиксировать. Кожа эльфа была горячей, сухой и шершавой, как раз от кандалов. Она замерла, чувствуя биение пульса где-то у основания его большого пальца. Быстрое-быстрое.

Роза сглотнула и быстро отомкнула левый браслет. Он со звоном свалился на пол. Потом правый. Стараясь не касаться его ссадин, она просто держала ключ.

Когда последнее железо упало, эльф медленно, очень медленно, развел руки в стороны, а потом растер запястья друг о друга. Жест был таким простым, таким человеческим, что у Розы зашипало в глазах. В полумраке прихожей, освобожденный от грубого металла, он перестал быть вещью и стал просто уставшим мужчиной.

— Идем, — она отвернулась и быстро пошла вглубь дома, слыша за спиной его мягкие, осторожные шаги. — Это твоя комната.

Она распахнула дверь в небольшую, но светлую спальню. Окно выходило в сад на кусты жасмина. У стены — широкая кровать, застеленная лоскутным одеялом, у окна — письменный столик.

Эльф замер на пороге. Он не двинулся с места.

— Это... мне? — его голос был хриплым от долгого молчания, но удивительно мелодичным.

— А кому же еще? — Роза нахмурилась. — Надеюсь, ты не храпишь. За стенкой моя спальня.

Он покачал головой, все еще не решаясь войти.

— Я... грязный.

— Я знаю. Поэтому показываю дальше.

Она подошла к другой двери в коридоре и толкнула ее.

— Ванная. У нас вода из колонки, она греется через магический кристалл, если крутить вот этот вентиль. Мыло там, на полке. Полотенца. Если хочешь замочить голову — дергай за цепочку, сверху польется из лейки.

Роза говорила быстро, почти скороговоркой, боясь, что если замолчит, то услышит стук собственного сердца, который отдавался в ушах

Она повернулась и чуть не налетела на него — он стоял прямо за спиной.

Близко. Опять слишком близко.

Ванная комната была маленькой, с низким потолком. Роза подняла глаза. Без кандалов, в полумраке, он казался выше и опаснее? Нет. Чушь. Его волосы, спутанные и темные, спадали

на лицо, скрывая половину щеки. Она видела только эти светлые глаза и губы, сжатые в тонкую линию.

Закрыв дверь ванной Розы, стояла посреди коридора, чувствуя, как в доме повисает странная, звенящая тишина. Она слышала, как за стеной ванной комнаты зашумела вода — сначала робко, потом увереннее, когда эльф разобрался с вентиляем и магическим кристаллом. От этого звука внутри всё сжалось: теперь он там, один, смывает с себя грязь и унижение рынка, запах чужих рук и страх.

Она тряхнула головой, отгоняя непрощенные мысли, и вдруг вспомнила — одежда. Та старая рубашка отца, которую она сунула ему в руки, была слишком велика в плечах и, главное, она не дала ему ничего на смену белья, никакой нижней рубахи. Усмехнувшись собственной бестолковости, Розы метнулась в свою спальню.

Там, в глубине старого комода, лежали вещи, которые она не трогала уже больше года. Вещи Джеймса, её бывшего мужа. Она выдвинула ящик с глухим скрипом. Запахло кедром и чем-то горьковатым — то ли старыми духами, то ли просто памятью. Розы решительно откинула крышку. Лённые штаны, пара простых, но мягких рубах без ворота. Её пальцы наткнулись на что-то более тонкое — нижняя рубашка из дорогого белого хлопка, которую Джеймс надевал под парадный костюм на их свадьбу.

«Глупо, — сказала она себе. — Какая разница, чья это вещь. Ему нужно чистое».

Схватив стопку, она поспешила обратно в коридор. Шум воды уже стихал, слышалось только редкое капанье.

Розы замерла перед дверью ванной. Из-под щели тянуло теплым, влажным паром и запахом лаврового мыла. Сердце колотилось где-то у горла, и это злило её. Она — хозяйка дома, взрослая женщина, а не девица на выданье. Решившись, она постучала костяшками пальцев по дереву.

— Эй...эм Я забыла дать тебе... кое-что. Чистое белье и рубаху помягче. Я зайду, хорошо? Изнутри донесся короткий, сдержанный ответ:

— Да.

Розы толкнула дверь.

Ванная комната утопала в клубах пара, и в этом влажном мареве фигура эльфа казалась вырезанной из дымчатого хрусталя. Он стоял к ней вполборота, но как только она вошла, он инстинктивно повернул голову. На его бедрах низко было обмотано белое полотенце — единственное, что отделяло его наготу от её взгляда.

И она смотрела. Проклятие, она не могла не смотреть.

Взгляд Розы, помимо её воли, скользнул вниз. Она успела заметить, как капли воды стекают по его лицу, по подбородку, но это было неважно. Важнее было то, что открылось ниже.

Его плечи — широкие, но не грузные, с перекатами сухих, жилистых мышц под бледной, словно светящейся в полумраке кожей. Грудь — с рельефными линиями мускулов, на которых блестели бисеринки влаги. И эти тонкие, почти серебряные шрамы. Они крест-накрест рассекали левую сторону его груди и уходили к ключицам — следы не боевых ран, а чего-то более методичного, от чего у Розы холодок пробежал по позвоночнику.

А дальше — живот. Плоский, твердый, с напряженными мышцами, которые чуть дрогнули, когда эльф сделал вдох, заметив её взгляд. Розы проследила глазами за изгибом косых мышц, за той тонкой линией, что уводила вниз и терялась под низко сидящим краем влажного полотенца.

В помещении стало невыносимо жарко. Пар оседал на её собственных щеках, но жар шел изнутри.

— Госпожа? — тихий, чуть хриплый голос разрезал тишину. В нем не было насмешки, только вопрос. — Вы... что-то хотели дать?

Рози вздрогнула, словно очнувшись от наваждения. Она почувствовала, как краска заливает шею и скулы, и мысленно выругала себя последними словами. Смотреть на него вот так — это было... неприлично. Слишком.

— Да, — она шагнула вперед резче, чем хотела, и практически ткнула ему в грудь стопкой одежды. Рубаха бывшего мужа коснулась его влажной кожи. — Вот. Надень. Здесь прохладно, простудишься еще.

Она развернулась, чтобы уйти, но на мгновение замерла, спиной чувствуя его взгляд. Тишина в ванной была наполнена звуком падающих с его волос капель.

— Спасибо госпожа, — сказал он.

Она вылетела в коридор и прикрыла дверь плотнее, чем следовало. Прислонившись к стене снаружи, Рози прижала ладонь к груди, пытаясь унять бешеный стук сердца. В ушах звенело. Перед глазами стояла картинка: вода на рельефных мышцах, тонкая дорожка шрамов и то, как мягкая ткань полотенца облегал его бедра.

«Это просто помощник, — уговаривала она себя, стискивая пальцами ткань собственного передника. — Просто помощник в лавке. Ты купила его, чтобы поливать цветы, Рози, а не чтобы...»

Додумать она не успела. Дверь ванной скрипнула, и в коридор вышел эльф. Мокрые волосы он забрал назад, и теперь его лицо казалось еще более острым, хищным. Рубаха бывшего мужа, белая и тонкая, сидела на нем идеально, обрисовывая каждый изгиб тех самых мышц, которые она только что разглядывала. И ворот был распахнут, открывая ямочку между ключицами и начало того самого шрама.

Он поймал её взгляд и чуть склонил голову. Губы тронула легкая, почти незаметная усмешка.

— Калёб, мое имя Калёб, госпожа.

И от того, как мягко он произнес имя, от этого легкого акцента, который делал простое «госпожа» чем-то сокровенным, у неё снова перехватило дыхание. Похоже, мятный чай ей сегодня точно не поможет уснуть.

Кажется, здесь нужно спасти не только розы...

Калёб.

Вода была благословением. Первым за долгие недели.

Калёб стоял под теплыми струями, закрыв глаза, и чувствовал, как с кожи смывается не только грязь рынка, но и что-то более липкое — чужие взгляды, прикосновения надсмотрщиков, унижение быть вещью, которую оценивают и торгуют. Мыло пахло лавром и чем-то травяным, простым, домашним. Запахом этого дома. Её запахом.

Он тщательно промыл волосы, распутывая пальцами колтуны, и позволил себе на мгновение просто стоять, подставив лицо воде. Где-то за стеной ходила она — Роза. Его новая госпожа.

Госпожа. Это слово всё ещё царапало горло изнутри, но, когда он произносил его мысленно, обращаясь к ней, оно почему-то теряло свою горечь. Она смотрела на него иначе. Не как на вещь. Как на... человека? Нет, эльфа. Живого.

Когда она снимала кандалы с его шеи, её пальцы дрожали. Он почувствовал эту дрожь кожей, и что-то внутри него, давно омертвевшее, слабо шевельнулось. Любопытство? Надежда? Он пока не знал.

Вода стихла. Калёб перекрыл вентиль и потянулся за полотенцем — грубым, но чистым льном. Вытер лицо, плечи, грудь. Отражение в мутном зеркале над раковиной показало ему того, кого он почти забыл: мокрые темные волосы, прилипшие к щекам, бледная кожа, на которой особенно ярко выделялись старые шрамы. Он не стал разглядывать себя долго — слишком много воспоминаний.

Он как раз обернул полотенце вокруг бедер, когда в дверь постучали.

— Эй...эм Я забыла дать тебе... кое-что. Чистое белье и рубаху помягче. Я зайду, хорошо?

Её голос звучал странно — выше обычного, почти напряженно. Он улыбнулся краешком губ, но тут же подавил улыбку. Не стоит. Пока не стоит.

— Да, — ответил он коротко.

Дверь открылась, впуская облако прохладного воздуха из коридора и её. Роза замерла на пороге, прижимая к груди стопку ткани. Пар клубился вокруг неё, оседая на выбившихся из прически рыжеватых прядях, и в этом влажном мареве она казалась почти нереальной.

А потом он заметил её взгляд.

Она смотрела не в глаза. Её взгляд скользнул вниз — медленно, почти против воли, как будто какая-то сила тянула его за собой. Калёб видел, как расширились её зрачки. Она разглядывала его плечи, его грудь, шрамы. Её взгляд задержался на его животе, проследил за линией мышц, уходящих под полотенце, и на мгновение замер там.

Калёб почувствовал, как воздух между ними сгустился, стал горячим и вязким. Он не шевелился, позволяя ей смотреть. Пусть. Почему-то от её взгляда не хотелось прикрыться или отвернуться, как хотелось от взглядов на рынке. Её взгляд был... другим. В нём не было похоти оценщика. В нём было что-то голодное, но испуганное. Что-то, чего она сама, кажется, стыдилась.

Краска залила её шею и щеки. Она стояла, замерев, словно кролик перед лисой, и это было... неожиданно мило. Калёб почувствовал, как внутри что-то оттаивает. Крошечная трещинка в ледяном панцире, которым он оброс за время рабства.

— Госпожа? — позвал он тихо, стараясь, чтобы голос звучал мягко, не пугающе. — Вы... что-то хотели дать?

Она вздрогнула всем телом, словно очнулась ото сна. Её лицо вспыхнуло ещё ярче, и она резко шагнула к нему, почти ткнув одеждой в грудь.

— Да. Вот. Надень. Здесь прохладно, простудишься еще.

Она развернулась, чтобы уйти, но замерла на секунду, и Калёб видел, как напряглись её плечи под тканью простого платья. Он ждал. Он чувствовал, что должен что-то сказать. Что-то, что не спугнет её, но даст понять — он видит. Видит её смущение, её взгляд, её трепет. И он не осуждает.

— Спасибо, — сказал он.

Она вылетела из ванной и закрыла дверь плотнее, чем нужно. Калёб остался один в остывающем пару. Он опустил взгляд на одежду в своих руках. Белая рубаша из тонкого хлопка, мягкая на ощупь. Чужая. Мужская. Он поднес ткань к лицу и вдохнул. Кедр. Горьковатый аромат. Не её. Какого-то мужчины, который жил здесь раньше. Что-то кольнуло внутри — странное, незнакомое чувство. Раздражение? Нет. Что-то более сложное.

Он медленно оделся, чувствуя, как чужая ткань ложится на ещё влажную кожу. Рубаша сидела почти идеально, словно была сшита на него — или на кого-то очень похожего телосложением. Он оставил ворот распахнутым, не заботясь о приличиях. Пусть.

Когда он вышел в коридор, Розы стояла у стены, прижав ладонь к груди. Она смотрела на него — и снова не в глаза. Её взгляд метнулся к его ключицам, к шраму, к тому, как влажная ткань обрисовывала мышцы груди. Калёб поймал этот взгляд и позволил себе легкую усмешку. Совсем легкую, почти незаметную.

— Калёб, мое имя Калёб, госпожа.

Он нарочно сделал паузу перед именем, произнес его мягко, почти интимно. И увидел, как дрогнули её ресницы, как она судорожно сглотнула.

Она была растеряна. Смущена. И чертовски красива в этом смущении — с горящими щеками, с приоткрытыми губами, с рыжими прядями, прилипшими к влажному от пара лбу.

Калёб ждал. Он мог бы стоять так вечно, глядя, как она борется с собой, как пытается вернуть контроль над ситуацией. Что-то подсказывало ему, что эта женщина — не просто хозяйка. Что в этом доме, среди запахов лаванды и земли, может начаться что-то совсем иное. Что-то, ради чего, возможно, стоило выжить на рынке рабов.

Наконец Розы моргнула, словно стряхивая наваждение, и резко развернулась.

— Идем, — бросила она через плечо, и её голос прозвучал почти сердито. Слишком сердито для того, чтобы быть искренним.

Калёб пошел за ней по узкому коридору, глядя, как подол её платья подметает половицы, как покачиваются бедра при ходьбе, как она старается идти быстро и деловито, но то и дело замедляет шаг. Словно хочет, чтобы он догнал её. Словно хочет, чтобы расстояние между ними сократилось.

Он улыбнулся — на этот раз по-настоящему, зная, что она не видит. Что ж, Розы. Цветочная лавка, значит. Розы, которые нужно спасать.

Кажется, здесь нужно спасать кое-что еще. И, возможно, не только розы.

И зачем только я его купила?

Рози шла по коридору первой, чувствуя спиной его присутствие. Кaleb ступал почти бесшумно — то ли эльфийская природа, то ли привычка, выработанная за время рабства, но его шаги были мягче кошачьих. Только половицы изредка поскрипывали под его весом, напоминая, что он всё ещё здесь, совсем близко.

Она остановилась у двери в конце коридора. Эта комната пустовала почти два года — с тех пор, как Джеймс ушел. Рози иногда заходила сюда, чтобы смахнуть пыль или открыть окно, но никогда не задерживалась надолго. Слишком много теней прошлого висело в воздухе.

Теперь здесь будет жить он.

— Вот, — она толкнула дверь и шагнула внутрь, жестом приглашая его войти. — Твоя комната.

Кaleb переступил порог медленно, словно входил в святилище. Его светлые глаза обвели пространство — внимательно, цепко, ничего не упуская.

Комната была небольшой, но уютной. У стены — широкая кровать из темного дерева, застеленная лоскутным одеялом, которое Рози сама сшила долгими зимними вечерами. Синие, зеленые, бледно-желтые квадраты ткани — цвета её сада, её неба, её жизни. Рядом — маленький столик с подсвечником, в котором стояла оплывшая свеча. У окна — старый комод с резными ручками и небольшое зеркало в потемневшей раме.

Но главное — окно. Оно выходило в сад, на кусты жасмина, которые как раз начинали набирать бутоны. Сейчас, в вечерних сумерках, их темная зелень казалась почти черной, но Рози знала — утром сюда польется мягкий свет, и комната наполнится запахом цветов.

Кaleb подошел к окну. Его пальцы легко коснулись подоконника, провели по дереву. Он смотрел в сад — долго, молча, и Рози вдруг поняла, что не знает, о чем он думает. Может быть, о своей родине. Может быть, о лесах, которых здесь нет. Может быть, о свободе, которую он потерял.

— Здесь тихо, — сказал он наконец. Его голос прозвучал глухо, словно шел откуда-то из глубины груди.

— Да, — Рози шагнула ближе, сама не зная зачем. — Сад отгораживает от улицы. По утрам поют птицы. Иногда наглые дрозды стучат в стекло, требуют крошек.

Она говорила, заполняя тишину словами, потому что молчать рядом с ним было слишком... волнительно. Слишком многое повисало в воздухе.

Кaleb обернулся. В сумеречном свете его лицо казалось вырезанным из слоновой кости — бледное, с резкими тенями под скулами. Мокрые волосы уже начали подсыхать, и отдельные пряди падали на лоб, смягчая его черты. Рубаха бывшего мужа всё ещё была расстегнута у ворота, открывая ключицы и край шрама, и Рози заставила себя смотреть ему в глаза. Только в глаза.

— Ты можешь... — она прочистила горло. — Можешь расставить вещи в комод. Если у тебя есть вещи. Или просто... расположиться. Это твоё пространство. Я не буду заходить без стука.

Он чуть склонил голову, изучая её. В его взгляде читалось что-то странное — не благодарность, нет. Скорее, осторожное удивление. Как будто он не ожидал, что ему дадут не просто угол, а место, которое назовут «его».

— Постельное белье в нижнем ящике, — продолжала Рози, нервно теребя край передника. — Если будет холодно, там есть шерстяной плед. Свечи на полке у двери. Если захочешь читать или просто... не спать.

Она замолчала, понимая, что говорит слишком много, слишком быстро, слишком суетливо. Как будто пытается заговорить собственную неловкость.

Кaleb отошел от окна и остановился напротив неё. Близко. Не так близко, как в ванной, но достаточно, чтобы она снова почувствовала тепло его тела и запах — чистый, с легкой горчинкой лаврового мыла и чем-то еще, чем-то его собственным, древесным и терпким.

— Спасибо, — сказал он. Одно слово, но в нём было больше веса, чем в её долгих речах.

Рози кивнула, не доверяя своему голосу. Она попятилась к двери, и её спина наткнулась на косяк.

— Я буду... на кухне. Чайник еще теплый. Если захочешь пить или есть — приходи. Дверь моей спальни — следующая по коридору. Если что-то понадобится ночью...

Она осеклась, поняв, как двусмысленно прозвучали её слова. Щеки вспыхнули снова, и она мысленно прокляла свою способность краснеть по любому поводу.

Рози развернулась от двери в спальню Калеба и почти бегом бросилась на кухню. Её босые ноги шлепали по холодным половицам, но она не чувствовала холода — кровь стучала в висках горячими, частыми ударами, заглушая всё остальное.

Она влетела на кухню, схватилась обеими руками за край стола и замерла, пытаясь отдышаться. Грудь вздымалась часто и высоко. В тишине дома собственное дыхание казалось оглушительно громким.

«Боги, — пронеслось в голове, и мысль была острой, как осколок стекла. — Зачем я это сделала? В моем доме чужой мужик. Голый. Только что стоял передо мной в одном полотенце, и я. я смотрела на него. Я глазела, как девчонка на ярмарке».

Она закрыла лицо ладонями. Пальцы были ледяными, щеки горели.

А потом накатило другое — знакомое, липкое, поднимающееся откуда-то из живота. Страх. Не тот рациональный страх, который можно объяснить и успокоить доводами рассудка. Нет — глубинный, въевшийся в самые кости, ставший частью её существа за годы жизни с Джеймсом.

Мужчина в доме. Чужой мужчина. Большой. Сильный. С руками, которые могут сомкнуться на её горле. Или на запястьях. Или развернуть её спиной к себе, навалиться всем весом, не слушая «нет», не слыша мольбы, просто брать то, что он считает своим по праву.

Рози сглотнула подступивший к горлу ком. В висках застучало сильнее.

Она помнила эти ночи. Помнила, как лежала, уставившись в потолок, пока Джеймс, пьяный, тяжело дышал над ней, вдавливая её в матрас. Помнила запах перегара, смешанный с его потом. Помнила, как считала трещины на потолочной балке — одну, две, три, четыре, — чтобы отключиться от происходящего, улететь куда-то далеко, где её тело ей не принадлежало, и никто не мог его тронуть.

Пять трещин. Шесть. Семь.

Она выучила их наизусть за те годы.

Джеймс не всегда был таким. Когда они только поженились, он был другим — весёлым, обходительным, с горящими глазами и планами расширить лавку, построить вторую теплицу, вывести новый сорт роз. Он брал её за руку нежно и говорил, что они свернут горы. Рози верила. Она была юна, наивна и влюблена.

Потом появились долги. Сначала небольшие — проигрыш в карты, о котором он рассказал с виноватой улыбкой. «Рози, милая, это ерунда, я отыграюсь». Потом ещё один. И ещё. Джеймс начал пить — сначала по вечерам, для расслабления, потом всё чаще и больше. А когда он пил, в нём просыпалось что-то тёмное. Что-то злое.

Сначала это были слова. Брошенные небрежно, но бьющие точно в цель. «Ты никчемная хозяйка». «Без меня ты бы пропала». «Кому ты ещё нужна, посмотри на себя». Рози проглатывала их, убеждая себя, что он просто устал, просто расстроен, просто это всё временно.

Потом он впервые схватил её за плечи и встряхнул так, что зубы клацнули. На следующий день извинялся, стоя на коленях, целовал её руки, плакал пьяными слезами. Рози простила.

Она всегда прощала — потому что боялась остаться одна, потому что не знала, куда идти, потому что верила, что он изменится.

А потом случилась та ночь. Первая ночь, когда он не спросил. Когда её «нет» и «пожалуйста, не надо» просто не были услышаны. Или были услышаны, но проигнорированы. Джеймс взял её силой, а утром сделал вид, что ничего не произошло. Поцеловал в лоб, назвал своей любимой девочкой и ушёл в город — проигрывать последние деньги.

Это повторялось снова и снова. Розы научилась замирать. Научилась улетать мыслями к трещинам на потолке. Научилась не чувствовать своё тело, когда оно переставало быть её.

А потом Джеймс проиграл всё. Лавка была заложена. Теплица пришла в упадок — розы болели, чахли, умирали без ухода, потому что все деньги уходили на долги и выпивку. Кредиторы приходили каждый день, стучали в двери, угрожали. Джеймс пил всё больше, а его жестокость становилась всё изощрённее.

Однажды утром Розы проснулась, а его не было. Только записка на столе: «Прости. Я не могу так больше. Не ищи меня». И пустой дом. И долги, которые он оставил ей. И лавка, которую нужно было поднимать с колен в одиночку.

Первый год был самым трудным. Розы работала от рассвета до заката — выхаживала оставшиеся розы, торговалась с кредиторами, бралась за любые заказы. Она ела через день, продала почти все свои вещи, но лавку спасла. Теплицу восстановила. Новые саженцы пустили корни и зацвели. Она выжила.

Но что-то внутри неё сломалось навсегда.

Мужчины. Она боялась их. Всех. Даже старика-булочника, который всегда улыбался и желал доброго утра. Даже мальчишек-посыльных. Когда кто-то из них подходил слишком близко или делал резкое движение, Розы инстинктивно сжималась, ожидая удара. Или чего похуже.

Близость? О нет. Сама мысль о том, чтобы снова оказаться в постели с женщиной, снова чувствовать чужой вес на своём теле, снова замереть и считать трещины — эта мысль вызывала тошноту. Розы похоронила эту часть своей жизни вместе с воспоминаниями о Джеймсе. Она убедила себя, что ей это не нужно. Что она самодостаточна. Что цветы заменяют ей всё.

И вот теперь в её доме был Калёб.

Мужчина. Опасный. Сильный — гораздо сильнее Джеймса. Бывший гладиатор, убивавший на арене. И она только что стояла и смотрела на его обнаженный торс, на его плечи, на его живот, на то, как вода стекала по его коже, и чувствовала... что? Страх? Да. Но не только.

Что-то еще. Что-то, чего она не испытывала очень, очень давно. Что-то, от чего низ живота наполнился странным, почти забытым теплом.

И это пугало её больше всего.

Потому что страх она знала. Со страхом она научилась жить. А это... это было неизведанной территорией. Территорией, на которую она поклялась себе никогда не ступить.

Розы медленно опустилась на табурет. В висках стучало. Она налила себе воды из кувшина, но рука дрожала так сильно, что вода пролилась на стол. Сделала глоток, другой. Холодная жидкость немного отрезвила.

Вспомнились слова работяги Надира ат Таджи. Розы слышала их снова, как наяву — спокойный, оценивающий голос, который перечислял «дефекты» товара.

— Этот не подойдет, госпожа. Бракованный товар. Шесть лет в бойцовских ямах к югу от пустыни. Гладиатор. Лучший. За шесть лет — ни одного поражения. Двигался так быстро, что зрители не успевали уследить. Убивал орков, берсерков, даже василиска. Сильнее и смертоноснее его не было никого во всей южной арене.

Розы слушала тогда, не в силах отвести взгляд от эльфа. Тот стоял неподвижно, и только желваки на скулах едва заметно дрогнули.

— Так почему же он здесь? — спросила она.

Надир ат Таджи скривился.

— Крутой нрав. Полное нежелание подчиняться. Прежний хозяин приказал ему проиграть бой, чтобы сорвать куш на ставках. Эльф отказался. Убил противника за две минуты на глазах у всей знати. А потом... потом на него положили глаз богатые матроны. Знатные дамы с юга, госпожа, бывают очень настойчивы. Они хотели, чтобы он улаживал их в постели. Он отказал всем. Одной даже сломал руку, когда она попыталась его тронуть без спроса.

Рози тогда вздрогнула. Сломал руку. Женщине. За то, что та попыталась его коснуться.

Что-то в этом рассказе отозвалось в ней странным, неожиданным эхом. Он отказался отдавать своё тело. Он защищал свои границы — яростно, жестоко, но защищал. В отличие от неё, которая годами не могла защитить свои.

— И что сделал хозяин?

— Продал мне за гроши. Чтобы наказать. Чтобы унижить. Из великого гладиатора — в обычные рабы. Это хуже смерти для такого, как он. Поэтому я и говорю — товар бракованный. Для вашей цветочной лавки он не годится. Слишком силен, слишком горд, слишком опасен. Возьмите лучше гнома.

Рози перевела взгляд на эльфа. Он смотрел на неё. В его светлых глазах она увидела не ярость, не пустоту — а что-то другое. Что-то, что она узнала. Потому что видела это каждое утро в собственном зеркале.

Боль. Глубокую, застарелую, тщательно спрятанную за стенами молчания.

— Я беру его, — сказала она.

Теперь, сидя на кухне и дрожа от страха, Рози спрашивала себя — зачем? Зачем она это сделала? Пожалела? Узнала в нём что-то родственное? Или просто сошла с ума?

Ведь теперь в её доме — в её безопасном убежище, которое она строила два года, — был мужчина. Опасный. Сильный. Способный убить её одним движением. И она не могла перестать думать о том, как он выглядел в ванной.

Остаток дня Рози провела как на иголках.

Она пыталась заняться делами — перебрала засушенные лепестки для саше, проверила запасы семян в кладовой, подмела пол в прихожей. Но каждое движение давалось с трудом, потому что часть её сознания постоянно прислушивалась. К звукам из коридора. К шагам, которых не было.

Калёб не выходил из своей комнаты.

Она не слышала ни скрипа двери, ни его голоса, ни даже шагов за стеной. Тишина, повисшая в доме, была плотной, ватной, неестественной. Иногда Рози казалось, что она выдумала его — и никакого эльфа-гладиатора нет. Но запах лаврового мыла всё ещё витал в коридоре. И воспоминание о его обнажённом торсе, о шрамах на груди, о каплях воды, стекающих по животу, было слишком ярким, чтобы быть вымыслом.

Ближе к вечеру Рози заставила себя приготовить ужин. Руки двигались механически: нарезать морковь, лук, репу. Бросить в котелок. Добавить трав, соли, ложку густой сметаны. Овощное рагу булькало на огне, наполняя кухню уютным, домашним запахом.

Вскоре с улицы донеслись шаги, и в кухню вошел Томас — её подмастерье, юноша семнадцати лет с вечно взлохмаченными волосами и руками, испачканными землей. Он, как обычно, задержался в теплице, пересаживая рассаду, и теперь пришел на ужин — это стало их ежевечерним ритуалом с тех пор, как он начал ей помогать.

— Госпожа Рози! — Томас улыбнулся своей открытой, мальчишеской улыбкой, но тут же заметил её состояние. — Что-то случилось? Вы бледная.

— Всё в порядке, — ответила она слишком быстро. — Садись ужинать.

Томас нахмурился, но спорить не стал. Он сел за стол, и Рози поставила перед ним миску с рагу. Юноша ел с аппетитом, рассказывая о том, как подвязывал плетистые розы и обнаружил,

что на одном кусте завелась тля. Розы слушала вполуха, кивая в нужных местах, но мысли её были далеко — в коридоре, за закрытой дверью, где сидел он.

Рыжий кот Моррис — толстый, ленивый, с наглыми янтарными глазами — вспрыгнул на подоконник и устался на Томаса, ожидая подачи. Юноша незаметно скормил ему кусочек моркови, и кот благосклонно принял подношение, хотя обычно предпочитал мясо.

— А где... — Томас замялся, подбирая слова. — Где тот эльф, которого вы купили?

— В своей комнате, — коротко ответила Розы.

— Он... он не выходил?

— Нет.

Томас помолчал, ковыряя ложкой в миске. Потом поднял на неё серьезные глаза — слишком взрослые для его юного лица.

— Госпожа Розы, вы боитесь его?

Она хотела солгать. Хотела сказать «нет, конечно, с чего ты взял». Но слова застряли в горле. Томас знал. Не всё, но достаточно. Он видел, как она вздрагивает от резких звуков. Видел, как она отшатывается, когда кто-то подходит слишком близко. Он никогда не спрашивал — и за это она была ему благодарна.

— Немного, — призналась она наконец. — Но это пройдет. Он просто... новый человек в доме.

Томас кивнул, но в его глазах читалось сомнение. Он доел ужин, поблагодарил и поднялся.

— Я пойду, госпожа Розы. Завтра приду как обычно, к открытию. Если что-то понадобится... вы знаете, где меня найти.

Она кивнула. Томас вышел, аккуратно притворив за собой дверь, и его шаги стихли на улице. Розы осталась одна. Ну, почти одна.

Моррис спрыгнул с подоконника, подошел к ней и потерся о ноги, громко мурча. Она наклонилась, почесала его за ухом.

— Что думаешь, Моррис? — спросила она шепотом. — Он опасен?

Кот зевнул, показав розовый язык, и отвернулся к своей миске. Ответа не последовало.

Для Калеба она сложила на поднос полную миску рагу, отрезала ломоть хлеба, налила кружку травяного отвара, помедлив, добавила маленькую глиняную плошку с медом — просто так. Она всегда добавляла что-то «просто так», когда нервничала. Старая привычка, оставшаяся с тех времён, когда она пыталась задобрить Джеймса вкусным ужином, чтобы он был добрее. Это редко помогало.

Идти по коридору к его двери было трудно. Ноги словно налились свинцом. Каждый шаг отдавался в ушах гулким эхом. Розы представляла, как дверь распахивается, как он выходит — высокий, сильный, — как его руки тянутся к ней...

Она остановилась. Зажмурилась. Досчитала до десяти, как учила себя в самые трудные дни. «Ты не там, Розы. Ты здесь, в своём доме. Он не Джеймс. Он не делал тебе ничего плохого. Ты справишься».

Стук. Костяшками пальцев по дереву. Три быстрых удара.

— Кaleb? — её голос прозвучал тонко, почти жалобно. — Я оставила ужин у двери. Здесь рагу, хлеб, чай. Если захочешь еще — на кухне есть добавка.

Тишина.

Она подождала. Пять ударов сердца. Десять. Пятнадцать.

Никто не ответил. Даже половица не скрипнула.

Розы нахмурилась. В груди шевельнулось что-то помимо страха — беспокойство. Может, он спит? Может, ему плохо? А может, он сбежал через окно в сад, и теперь она осталась одна, как и хотела? Одна — в безопасности, но почему-то от этой мысли внутри что-то сжалось.

Она осторожно поставила поднос на пол у двери. Выпрямилась.

— Я ухажу к себе, — сказала она тише, чем собиралась. — Если что-то понадобится... ты знаешь, где меня найти.

Ответа снова не было.

Рози отступила на шаг, потом еще на один. Развернулась и быстро пошла прочь по коридору. Её шаги ускорились сами собой, пока она почти не побежала вверх по лестнице. Деревянные ступени жалобно скрипели под ногами, и каждый скрип отдавался в позвоночнике холодной дрожью.

Она влетела в свою спальню, захлопнула дверь. Руки тряслись, когда она поворачивала ключ в замке — старом, тяжелом, с длинным железным языком. Ключ повернулся с глухим лязгом. Мало.

Рози уперлась плечом в тяжелый деревянный сундук, стоящий у стены. Она тащила его, царапая пол, пока он не встал вплотную к двери — массивный, окованный железными полосами. Сдвинуть его снаружи было почти невозможно. Даже для бывшего гладиатора.

Только тогда она выдохнула.

Выдохнула длинно, прерывисто, чувствуя, как отпускает стальная пружина внутри. Колени подогнулись, и Рози опустилась прямо на пол, привалившись спиной к сундуку. Закрывает глаза. Сердце всё еще колотилось, но уже не так бешено.

Она сделала это. Привела чужого мужчину в свой дом. Осталась с ним наедине. И теперь баррикадирует дверь сундуком, как будто это может её защитить.

«Глупая, — сказала она себе. — Какая же ты глупая. Ты знаешь, что он сделал с той матроной, которая попыталась его коснуться. Ты знаешь, сколько он убил на арене. И ты привела его в свой дом. Добровольно. И при этом ты не можешь забыть, как он выглядел с мокрыми волосами. Как вода стекала по его груди. Как ты хотела...»

Она оборвала эту мысль, не дав ей оформиться. Нет. Она не хотела. Она не могла хотеть. Она боялась мужчин. Всех мужчин. И Калеба в особенности — потому что он был самым опасным из всех, кого она встречала.

Но почему-то, когда она думала о его глазах — светлых, внимательных, — страх смешивался с чем-то еще. С чем-то, чему Рози боялась дать имя.

Просидев так несколько минут, она заставила себя подняться. Стянула платье через голову, надела ночную рубашку — простую, льняную, пахнущую сушеной ромашкой. Забралась под одеяло, натянула его до самого подбородка.

В комнате было тихо. Только ветер за окном шевелил ветки жасмина, и тени от них плясали на потолке.

Рози лежала, глядя в темноту, и прислушивалась. К дому. К ночи. К звукам снизу.

Рози повернулась на бок, поджала колени к груди и зажмурилась.

Может быть, именно поэтому она его и купила. Не из жалости. Не из глупости. А потому что увидела в нём то, что хотела бы видеть в себе. Силу сказать «нет». Готовность сломать руку тому, кто попытается взять без спроса.

Сон пришел не скоро. А когда пришел, был тревожным, рваным, полным смутных образов — светлых глаз, серебряных шрамов, арены, залитой кровью, и Джеймса, который стоял в дверях спальни и улыбался своей пьяной, жуткой улыбкой. Но в этом сне, когда Джеймс шагнул к ней, между ними вдруг возник Калеб. И Джеймс отступил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.